

Там, где петляет в изящных изгибах река Пальна, на левом её берегу и на вершине крутого оврага когда-то приютились несколько деревенских домов. То поселение в свои времена называли по-разному, и, как тогда было принято, или именем какого-либо святого, или по фамилии её владельца. Селом оно стало тогда, когда в нём в конце XV – начале XVI веков построили деревянную Борисоглебскую церковь. Храм получил такое название от имени святых мучеников Бориса и Глеба, которых по каким-то причинам почитали первые поселенцы этих мест. Село тогда начали именовать Борисоглебское – Грущёво (Хрущёво), производное от названия церкви и от владельца местностью Грущёва (Хрущёва).

Сегодня на том месте гуляют лишь ветра, и оно всё больше напоминает “край непуганых птиц”. Но то село не забыто в памяти народной теми, кому дорого имя мудрого певца земли русской – Михаила Михайловича Пришвина. А вошло оно в историю земли становлянкой по своему последнему названию – Хрущёво-Левшино.

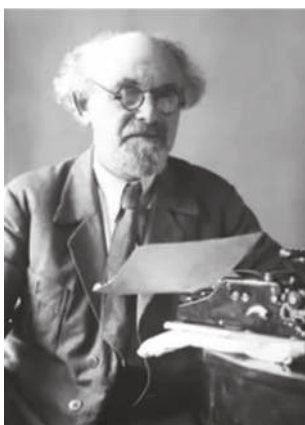
Сейчас на окраине бывшего села, напротив заросшего по берегам кустарниками и осокой пруда, прячется пустырь с несколькими старыми яблонями, грушами, одичавшими вишнями сада Пришвиных. Ничего уже тут не напоминает деревянного дома с белым

балконом, нет и двух каменных столбов, служивших ранее вместо ворот в усадьбе елецкого купца второй гильдии Д.И. Пришвина – деда будущего писателя, купившего это поместье во второй половине XIX века.

В автобиографическом романе “Кашеева цепь” Михаил Михайлович пишет:

“Родился я в 1873 году в с. Хрущёво, Соловьёвской волости, Елецкого уезда...

Мне выпала доля родиться в усадьбе с двумя каменными белыми столбами вместо ворот, с прудом перед усадьбой и за прудом уходящими в бесконечность чернозёмными полями...”

Уже в зрелом возрасте он скажет:

“Земля прекрасна! Просто земле, убранной и зеленеющей, я готов... молиться”.

Эти слова Пришвина, пожалуй, наиболее полно отражают смысл его жизни, истинную преданность и безграничную любовь к своему краю, где зародились природные корни певца земли русской, а впоследствии расцвёл своеобразный писательский талант.

В имении купеческий дом окружали цветники и фруктовый сад, за ним были хозяйственные постройки. Отец будущего великого знатока природы Михаил Дмитриевич водил орловских рысаков, брал призы на конных скачках, увлекался садоводством и цветоводством.

Юный Миша был любознательным мальчиком, рос в дружбе с крестьянскими детьми, бегал частенько с ними в лес, на речку Пальна. Каждый цветок в лесу, каждое деревце, всплеск рыбёшки в пруду или реке оставляли в его душе какое-то неизгладимое впечатление. Природа награждала его видением чего-то удивительного и красивого, неповторимого и чарующего, он же ей отдавал свою безграничную любовь.

Но даже в юном возрасте взрослые всё больше в нём замечали, как с годами становился более независимым его характер, он был способен принимать неординарные и самостоятельные решения, иметь мнение, отличное от других. Впоследствии это сыграло важную роль в его судьбе...

В десять лет он поступил учиться в Елецкую гимназию, но так и не закончил её. Этому были две главные причины. Учился Миша

очень слабо, после первого класса его оставили на второй год. В своём дневнике он напишет:

“Я совершенно не в состоянии понимать, что от меня требуют учителя. Мучусь, что огорчаю мать единицами и за учёбу, и за поведение”.

И это ещё мягко сказано. Как свидетельствует журнал педагогического совета Елецкой мужской гимназии, который хранится в Липецком областном архиве, 16 сентября 1885 года ученик второго класса Пришвин с двумя одноклассниками – Чертовым и Тирман, а также учеником четвёртого класса Голофеевым отправились в лодке по реке Сосне путешествовать в ...Азию, при этом они “вооружились” тремя револьверами, тремя ружьями, патронами к ним, двумя саблями и топором. Беглецов настигли в двадцати верстах от города. Чертова “уволили из гимназии”, остальных подвергли продолжительному аресту с понижением отметок за поведение за первую четверть...

...В апреле 1889 года у Миши произошло резкое столкновение с учителем географии В.В. Розановым, который “не педагогично” разговаривал с гимназистом Пришвиным, а тот в свою очередь не смог этого стерпеть и надерзил педагогу. Хотя Розанов был человек умный, но жизнь ещё раз подтвердила, что не всякий умный человек может быть хорошим учителем. Позднее он уехал из Ельца и стал известным философом и публицистом.

Но тогда Розанов подал директору гимназии докладную записку о nepoзвoлитeльнoм пoвeдeнии учeникa чeтвeртoгo клacca Микaилa Пришвинa, зa чтo тoт был иcключeн из учeбнoгo зaвeдeния.

И это явилось серьёзным жизненным испытанием для будущего писателя. Он возвратился в Хрущёво в подавленном состоянии, тяжело переживал случившийся инцидент с учителем, хотя и считал себя правым. И только близкая и такая родная природа, поля со звонкими трелями жаворонков, лес, ласкающий прохладой и буйным весенним пробуждением, успокаивали его.

Юноша принимает решение заниматься по курсу гимназии самостоятельно и позднее сдать экзамены экстерном на аттестат зрелости. Но у его своенравной матери Марии Ивановны в отношении сына созрели свои планы. Она направляет Мишу к его дяде в Тюмень, где юноша заканчивает четвёртый класс реального училища и сдаёт экзамены экстерном за седьмой класс. Это позволило ему в 1893 году поступить в Рижский политехникум на химико-агрономическое отделение. С того времени вплоть до 1918 года он появляется в Хрущёво и Ельце редкими наездами.

В 1900–1902 годах Пришвин учится на агрономическом отделении Лейпцигского университета, по окончании которого работает в городе Луге земским агрономом, публикует несколько статей и книг по специальности.

Первый рассказ начинающего писателя Пришвина “Сашок” появляется в 1906 году в журнале “Родник”. Оставив свою агрономическую профессию, Михаил Михайлович становится корреспондентом различных газет. Его всё более глубокое увлечение этнографией и фольклором приводит к решению путешествовать по северу России – Олонец, Карелия... Он знакомится с бытом и речью северян, записывает сказания, передавая их в своеобразной форме путевых очерков. Появляются в печати его книги: “В краю непуганых птиц” (1907 г.), “За волшебным колобом” (1908 г.). Результатом путешествия Пришвина по Заволжью явилась книга “У стен града невидимого”, а очерки “Адам и Ева”, “Чёрный Араб” были написаны после поездок по Крыму и Казахстану.

Писатель становится известным в литературных кругах. Он знакомится и сближается с А. Ремизовым, Д. Мережковским, М. Горьким, А. Толстым.

Максим Горький содействует появлению первого собрания сочинений Михаила Михайловича, которое издаётся в 1912–1914 годах.

В годы Первой мировой войны Пришвин становится вновь корреспондентом, теперь военным, печатая глубоко патриотические очерки в различных газетах и журналах.

1917 год. На зиму Пришвин уезжает в Петроград. Здесь он становится свидетелем Февральской революции, падения монархии. Его избирают делегатом временного комитета Государственной думы в Елецком уезде. И 9 апреля 1917 года писатель появляется в Хрущёве, в своём доме. Пришвин запишет в «Дневнике, 1914–1917»: *”Терраска у меня крытая, с перилами и столбиками, будто рубка на пароходе. Вечером, бывает, когда спать лягут все и тихо, сядешь и оглянешься возле себя, – вот деревья распускаются, другой раз сядешь и смотришь – деревья цветут, а то вот уже и пожелтели и листья на террасе лежат, и кажется, будто плывёшь куда-то – куда?”*

Но он, как и немало русских писателей, не принял Октябрьскую революцию, дал ей такую характеристику:

“Вся-то пыль земная, весь мусор, хлам мчатся в хвосте кометы Ленина”.

Пришвин не понимал и осуждал суровые действия новой власти против русского народа и разрушения ею без разбора всех

ранее сложившихся хозяйственно-экономических устоев и отношений.

Хотя Михаил Михайлович хотел самозабвенно работать на родной земле, радоваться результатами своего труда. Этому свидетельствуют дневниковые записи 1917 года: *“20 августа. Три дня не был в поле и вышел и увидел своё дело, я работал простуженный, ходил с пудовым лукошком семян на шею, швырял семена... А вот теперь, – о, какая радость! – я глянул на поле после дождя по солнышку: рожь уже вышла из краски, внизу была розовая, сверху зелёная и на каждом зелёном листике висела капля сияющая, как алмаз»*). В том же источнике: *“Мой хутор маленький, в девятнадцать десятин, с посевом клевера и отличается, как образованный офицер от земледельческой армии: он буржуазен, потому что отличается от всей массы трёхполья”*.

Но в своём дневнике он оставит и такую запись:

“Пламя пожара России так велико, что свет его, как солнца свет утреннюю зарю закрывает, так невидимым становится свет всякого нашего творчества, и напиши теперь гениальную картину, она будет как бледная утренняя луна, бессильная, лишняя”.

Он как-то ощутимо переменялся. Этому свидетельство фраза из его рассказа “Сыр”:

“Мне было, будто повесил я петельку своего сердца на гвоздик, а всё остальное учёность свою, идеи, тело, вещи – всё это брошено как-нибудь”.

Агроном по образованию, Пришвин весной 1918 года переезжает из Ельца вместе с женой и двумя сыновьями в Хрущёво с огромным желанием самому обрабатывать землю и научить крестьян – односельчан рационально вести хозяйство. Он хотел жить “как все” простые люди.

Жить ему, “как все”, не дали. Уже в августе 1918 года советская власть принимает решение о национализации его имения, которое никак не “тянуло” на зажиточно-барское, а больше на зажиточно-крестьянское. Основной дом Пришвина был деревянный размером 40 на 21 аршин (аршин – 71 сантиметр), отдельно стоящую кухню 12 на 8 аршин, рядом с домом из хозяйственных построек в описи имения числились каменная конюшня, два амбара, кошара, ледник, курятник и каменная рига.

Пришвин запишет в дневнике: *“Мужики отняли у меня всё, и землю полевую, и пастбища, даже сад, я сижу в своём доме, как в тюрьме... Звезда жизни моей единственная почернела, а коровушку мою принципиально зарезали мужики”*.

Положив в ядташ свои дневники, фотоаппарат, он пешком уходит из Хрущёва в Елец. Пришвин останавливается в доме своего друга и однокашника по гимназии Александра Михайловича Коноплянцева.

В городе – расстрелы, тревожная обстановка, угроза немецкого наступления с юга. Прокормить семью становится невозможно, и его жена Ефросиния Павловна, забрав младшего сына Петра, уезжает на родину, к матери в Смоленскую губернию. Отец со старшим Лёвой остается в Ельце. Пришвину сорок пять лет, он в расцвете творческих сил, но страна в развале, и литературный труд не даёт средств к существованию, негде напечатать свои повести и рассказы. Возможность кормиться крестьянским трудом тоже отнята. Как быть?

«Злодейка судьба» вновь возвращает его семью в Хрущёво.

В родном селе Михаил Михайлович получает обычный надел, который давали всем крестьянам. На нём он пахал, сеял в тех же условиях, что и его земляки. На заработанные литературными трудами деньги построил небольшой светлый дом. В дневниках появляются новые записи, которые полны размышлений о человеке, природе, жизни на земле. Он подмечает что-то интересное, необычное в природе, характере человека, философски подходит к решению многих вопросов жизни.

В то же время Михаил Михайлович своей легко ранимой и очень чувствительной душой всё больше понимал, что прерывается его устоявшаяся жизнь. У него вроде бы отлетели, как листья поздней осенью с оголившихся и почерневших деревьев, литературные заботы, петербургские религиозно-философские споры, словно это было не с ним. Всё навязчивее становится мысль о том, что в ту пору ему было не до частной жизни.

11 октября 1918 года в селе Хрущёво собирается сход, на котором ставится категорично вопрос “об изгнании Пришвина с родной земли”. Для этого из Соловьёвской волости Елецкого уезда приехал уполномоченный представитель, который пояснил сельчанам, что *“надо согнать с земли барина Пришвина, теперь земля будет принадлежать государству”*. Мудрец и философ не мог не понять, что советская власть пошла вразнос и от её деяний веет смертельной опасностью, он болезненно воспринял наступление большевистского беспредела.

И вновь Михаил Михайлович вынужден был переселиться в Елец.

В дневнике 29 октября 1918 года появится запись:

“Прошло всего 18 дней с того дня, когда я с узелком в руке оставил Хрущёво, а кажется, год прошёл”

Но на этот раз ему предоставляют работу учителя русского языка и географии в “трудовой школе второй ступени”, в здании бывшей мужской гимназии, из которой тридцать лет назад был исключён (сегодня это средняя образовательная школа № 1 имени М.М. Пришвина). Впоследствии он трудился библиотекарем, занимался серьёзно краеведением. Пришвин добросовестно служил большевикам, за что чуть не поплатился головой.

...Валентин Курбатов в очерке “Михаил Пришвин” (Москва, Советский писатель, 1986 г.) пишет, что в конце лета 1919 года в Елец ворвалась конница корпуса генерал-лейтенанта Мамонтова. В списки большевиков, подлежащих расстрелу, попал и Пришвин. Его арестовали киргизы и вели под ружьём к расстрельному месту. Михаил Михайлович в мыслях уже прощался с голубым и до боли любимом небом, сочной зеленью деревьев, греющим душу пением птиц, которым было безразлично какая в городе власть – белая или красная. И вдруг он вспомнил два киргизских слова из рассказа “Чёрный Араб” и спросил у будущих своих палачей:

– Хабар бар?

Это по-киргизски означало: “Новости есть?”.

Киргизы опешили, потом решили, прежде чем расстрелять человека, “знающего” их язык, доложить о “странном большевике” своему командиру. Когда тот узнал, что расстрелять киргизы должны были, пусть и пособника большевикам, но уже известного российского писателя, рапортовал об этом Мамонтову. Константин Константинович, большой знаток и ценитель русской литературы и искусства XIX века, заинтересовался личностью Пришвина и решил временно расстрел отложить, и пригласил Михаила Михайловича к себе на беседу. Но писатель, когда его стражники ослабили внимание к нему, этого “типа” ведь сам генерал приглашал, сбежал от мамонтовцев...»

В Ельце он наблюдает жуткие времена тифозной зимы, заведует всеми библиотеками Елецкого уезда.

Пришвин продолжает свой литературный труд, обрабатывает дневник нашествия Мамонтова. По его инициативе и при его участии создаются городской архив и краеведческий музей. У него была надежда закрепиться в Ельце, но она таяла, как последний снег в конце весны. У него всё больше появляется ощущение тревоги, надвигающейся опасности.

Михаил Михайлович 5 (по новому стилю – 18) июня 1920 года отправляется в “путешествие”, а точнее – это было его бегством из Ельца.

Дорога позвала беглеца на родину жены – на Смоленщину, потом в Подмоскowie – странствовать, ему было не привыкать. “Тетрадки” ехали за ним всюду и – слово по слову – не уставали пополняться, хотя временами Михаил Михайлович уже не очень-то верил в грядущую надобность этого труда, впоследствии литературного шедевра – знаменитых дневников Пришвина. Вернуться ему на малую родину, а тем более, жить “как все” больше не удалось, а, может, и не захотелось увидеть порушенное и разграбленное “барское” имение. Он просто не желал вытравить из души, оставшееся на всю оставшуюся жизнь, необычное восприятие, по его выражению, “поэтичности дома, сада, прудов, полей” родного села Хрущёво..

...Но о нём Пришвин до конца своих дней тосковал. В его дневниках есть такая запись:

“И теперь ночью, когда не спится, чтобы заснуть, я представляю себе с закрытыми глазами с точностью все тропинки, все овражки и канавки, и хожу по ним, пока не усну”.

А чуть менее чем за год до смерти – 21 апреля 1953 года – записал в одной из “тетрадок”:

“Лежу и днями смотрю на картину Хрущёво и всё не нагляжусь, и кажется многое в ней чего-то, и моё духовное питание этой картиной никогда не кончится...”.

А вечный покой наш земляк нашёл на Введенском московском кладбище во второй половине января 1954 года. На его могиле стоит памятник “Птица Сири́н”, исполненный скульптором Сергеем Ко́нёнковым...

...В начале семидесятых годов двадцатого столетия в Хрущёво – Левшино ещё работала начальная школа, хотя ходил в неё... единственный ученик. Но для него районные власти – отдел народного образования – держали в штате учительницу начальных классов и технического работника.

– А как же иначе, – гордились тогда в селе мужики, – ведь эта школа нам досталась в наследство от Самого Михалыча....

Оказывается, он тогда, в 1918 году, когда собрался жить “как все”, на собственные деньги построил школу для местных детей...

А уже в восьмидесятые годы последние жители села Хрущёво оставили его: кто ушёл в мир иной, кто уехал искать счастливой доли на чужбине, кто переселился на центральную усадьбу племсовхоза “Пальна-Михайловский”.

Памятник М.М. Пришвину перед школой в Пальна-Михайловке

Но, покинув места, где им когда-то приходилось ходить по тем же тропинкам, по которым бегал мальчик Пришвин, они бережно и трепетно хранили и хранят память о нём. И пусть Михаила Михайловича почти ничего не связывало с Пальна-Михайловкой, но на небесах-то он остаётся вместе с теми, кто сюда переселился с его и их малой родины.

Видимо, поэтому и названа здесь средняя школа его именем, а каждое утро провожает сельских ребятишек на уроки Пришвин, изваянный из камня, у входа в школу. А когда идут уроки, он смотрит на них с картины елецкого художника И.Г. Мишина. Этот портрет с удивительно пронзительным и добрым взглядом Михаила Михайловича является подарком пальновским детям. Они же, в свою очередь, открыли в школе класс-музей, который ежегодно пополняется новыми и интересными экспонатами, рассказывающими о жизни их знаменитого земляка.

И кто знает, может, в буйном цветении сирени, оставшейся “живой” изгородью от бывшей усадьбы дивного певца земли русской; среди снежных зимних сугробов, с искрящимися переливами от солнечного заигрывания с ними; в ласкающих поцелуях постоянных ветров – село Хрущёво стояло на высоком левом берегу реки Пальна – витает душа Михаила Михайловича Пришвина, ведь он так глубоко понимал, о чём поёт и разговаривает с ним природа. Неудивительно, если и она вспоминает о нём...